

Horror Mirra

ХОЗЯИН ДЛЯ
ПОТЕРЯШКИ

Horror Mirra

Хозяин для потеряшки

«Издательские решения»

Horror Mirra

Хозяин для потеряшки / Horror Mirra — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517127-6

Что может быть страшного в коридорах обычной многоэтажки? Никто из жильцов никогда не признается, что пройти к мусоропроводу, или даже к двери собственной квартиры, крайне опасно, ведь никто не хочет прослыть сумасшедшим. И никто не знает, откуда взялась эта тварь, и почему ей так приглянулся третий этаж.

ISBN 978-5-00-517127-6

© Horror Mirra
© Издательские решения

Содержание

Лунатик	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Хозяин для потеряшки

Horror Mirra

© Horror Mirra, 2020

ISBN 978-5-0051-7127-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девушка была совсем молоденькая. Лет шестнадцати, не больше. Она вошла в лифт сразу за Савиным, окинула пренебрежительным взглядом старый заношенный костюм учителя, едва ли не фыркнула. Леонид Викторович вздрогнул от неожиданности – девушка была поразительно похожа на Вику Свиридову. Те же темные волосы, одинаковый рост и телосложение, слишком короткая юбка, в руках объемная спортивная сумка, на ногах белые кроссовки с ярко-розовыми шнурками, из ушей доносится ритмичная музыка. Родители что, никогда не учили ее не заходить в лифт с посторонними мужчинами? Да еще и в наушниках.

На секунду учителю показалось, что это сама Вика явилась за ним с того света, и он даже чуть отшатнулся к задней стенке лифта. Того и гляди повернет голову, поднимет на него лицо и Леонид Викторович Савин увидит горящие злобой глаза своей погибшей ученицы. Само лицо ее будет непременно синеватым, обглоданным с одной стороны, с оторванной щекой и сдвинутым в бок сломанным носом, а во рту – та самая розовая жвачка, которая бесила его во время уроков. Она ухмыльнется тем, что осталось от ее вечно размалеванных красной помадой губ, проведет кончиками пальцев по лацкану пиджака и... Нет, нельзя давать волю воображению! Хорошо, что покойники не возвращаются.

Леонид рассмотрел бы девочку получше, но жил он на третьем этаже. Она посторонилась, пропуская его, лениво нажала на кнопку, когда он уже вышел и обернулся. Наверное, никуда не торопилась. Леонид подождал немного, прислушался. Этажом выше доносились голоса, возня и суета – все как это обычно и бывает при переезде. Девочка вышла именно на четвертом. Новые соседи. Сколько их уже сменилось? Леонид Викторович не пытался сосчитать, не получилось бы. Сперва не придавал значения, а теперь память могла подвести. Да и какая разница, не первые и далеко не последние.

Лампа под потолком моргнула – кто-то на первом вызвал лифт. Леонид снова прислушался, но на этот раз к своему третьему этажу. Тихо, спокойно, прохладно, немного пахнет сыростью. За его спиной – деревянная дверь, ведущая в просторный склад и к мусоропроводу, а впереди широкий проход, разветвляющийся на левый и правый корпус огромной десятиэтажки. Справа – длинный темный коридор, в конце которого стальная дверь апартаментов в три или даже четыре комнаты, а слева точно такой же длинный коридор с дверями в квартиры чуть скромнее. Двушка Леонида – в самом конце левого коридора.

Мужчина огляделся по сторонам, судорожно сглотнул, ускорил шаг, напряженно вслушиваясь в эхо. Спина его и лоб тут же покрылись липкой испариной, в желудке царапнуло неприятное чувство – он не один. Он буквально затылком ощущал на себе цепкий немигающий взгляд, словно был старой лабораторной крысой, преследуемой матерым дворовым котом. Ключ в руке наготове, пальцы дрожат от напряжения. Нельзя бояться – тварь это чувствует, как акула каплю крови за километр. Нельзя оборачиваться.

– Нельзя! – прикрикнул поставленным низким голосом.

Леонид замер у двери, а эхо предательски выдало на шаг больше. Секунда, чтобы вставить ключ в скважину, три, чтобы повернуть его два раза. Проскользнуть внутрь темной прихожей и захлопнуть за собой сверхпрочную «Супер-Альфа 10» с тремя замками и цепочкой – бесконечно долго. Сердце колотилось как бешенное, снаружи что-то едва слышно царапнуло не то по полу, не то по самой двери. Леонид зажал рот рукой, чтобы тварь не могла услышать его дыхание. Хотя смысла в этом не было, она прекрасно знала, что это он – хозяин – домой вернулся.

Едва отдышавшись, мужчина скосил взгляд чуть вправо, в сторону новомодного глазка с обзором в сто восемьдесят градусов.

Нельзя смотреть.

Он заказывал дверь без глазка. Так и дешевле выходило, и спокойнее было бы жить. Но в магазине устроили какую-то акцию, поздравили его с удачным стечением обстоятельств, мол, на складе остались только такие, вот и радуйтесь теперь, не надо дополнительно тратиться.

– Ага, счастье привалило, – разочарованно вздыхал Леонид, глядя, как ловкие парни справляются с дверным проемом. – Вы там поскорее, до вечера надо успеть!

– Да успеем, дядь, не переживай! – посмеивались ребята чудаковатому мужичку.

Леонид огляделся, привыкая ко мраку прихожей, все вещи стояли на привычных местах, было тихо и душно. Тварь несколько раз предпринимала попытки проникнуть в его квартиру, но в подъездной темноте и зловонье ей нравилось больше. Мужчина медленно стянул с ног свои истоптанные туфли, прошел в гостиную, сел на диван и уставился в окно. Бабье лето в разгаре, под вечер солнце беспощадно било в глаза, благо рядом с высоткой еще не успели построить другие такие же, а окна квартиры Леонида выходили не на шумный двор, а с торца – на котельную и подземную парковку. Он вдруг вспомнил, как радовалась мама, когда они только здесь поселились двенадцать лет назад. Переезд стал самым серьезным событием за всю его жизнь. Женат он никогда не был, жить отдельно от родителей порывался лишь в юном мятежном возрасте – не очень удачно. В армию его не взяли из-за плоскостопия, а ехать покорять столицу смысла никогда не видел, ну, сколько там, таких как он в самом деле? Тысячи? Миллионы?

«Хорошо там, где нас нет... А нам и здесь хорошо!» – любила повторять мама в ответ на известия о дальних путешествиях от родственников.

Двенадцать лет назад десятиэтажная новостройка встретила их радушно. Соседи выходили, чтобы познакомиться, консьержка приветливо придерживала дверь, когда они занесли вещи. Широкие коридоры, длинные переходы, огромные пространства, камеры хранения в подвале для жильцов. Леонид никогда прежде такого не видел, прожив почти всю жизнь в малюсенькой «хрущевке». Теперь у Савиных была просторная спальня и гостиная. Эх, жить бы, да радоваться! Но не тут-то было.

Теперь Леонид думал об этом переезде, как о фатальном стечении обстоятельств. Сперва отца разбил инсульт. Соседи нашли его у самой входной двери, на коврик, без сознания. Редкие волосы с левой стороны поседели, лицо перекошило, но он быстро оправился, ходил бодро, едва прихрамывая на левую ногу. Вот только разговаривать почти перестал, отвечал односложно, хмурился чаще, и все реже возвращался домой. То на вокзале его кто-то видел, то

у старого друга с завода решил заночевать. Мама лишь плечами пожимала. Седина в бороду, как говорится!

Сама она скончалась через год. Тромб оторвался. Так сказали врачи, но Леонид уже тогда понял, что к чему. Врачебные диагнозы были неуместны. Однако посмей он хотя бы заикнуться о твари, сам бы тотчас оказался в психушке.

После смерти матери, отец едва ли не в припрыжку переехал в дом престарелых. Появляться в этой квартире он больше не хотел. Леонид знал почему.

Продать квадратные метры никак не получалось. Словно замкнутый круг. Люди приходили по объявлению, смотрели, говорили, что хорошо бы ремонт сделать, а потом уходили, зябко пожимая плечами, шепчась. Даже риэлторы уже перестали беспокоить, говорили, что такое бывает. Все в порядке с жилплощадью, а не берут! И цену снижали и условия особые выдвигали, но повторно посмотреть квартиру не приходил никто.

Да и дело-то было вовсе не в квартире. Чистая продажа, никаких несчастных случаев до появления в нем жильцов, даже во время строительства. Уж Леонид все источники тщательно проверил. Архивы газет, городские новости, видео сюжеты со стройки, реклама, уважаемые застройщики... Все чин по чину. Не прикопаешься. Кладбища на этой земле никакого не было, ни карстовых провалов, ни болот, ни токсичных захоронений, ни свалок. НИ-ЧЕ-ГО.

Тогда откуда же взялась эта тварь?

Единственный вариант, который он рассматривал долгое время, это сами жильцы. Кто-то из соседей приволок тварь с собой, как привозят в старых вещах тараканов или мышей. Совершенно случайно. А может она потерялась, не смогла найти семью, к которой прикипела за долгое время, да так и прижилась в подъезде. Особенно нравился ей третий этаж, с квартирой Савиных.

Сперва Леонид, конечно, частенько ловил себя на мысли, что сходит с ума. Скорее всего не он один. Приветливые соседи уже через месяц поглядывали друг на друга с недоверием и злостью, перестали здороваться, жаловались консьержкам на непонятный шум. Те лишь руками разводили, они работали посменно и не слышали ничего странного. Где-то ребенок заплакал, где-то ремонт затеяли, где-то трубу прорвало, дни рождения, свадьбы, шумновато бывает, чего греха таить... Обычный многоэтажный дом, всем не угодишь.

Первые соседи Савиных сменились месяцев через восемь. Молодая пара, получившая квартиру как свадебный подарок от родителей. Девушка, кажется ее звали Марина, так и светила счастьем. Красивая, с длинными темными волосами и стройными ножками. Останавливалась поболтать с его мамой и непременно улыбалась. Через три месяца живот ее заметно округлился, а еще через два она упала с лестницы и потеряла ребенка. Вся лестничная площадка тогда была в крови.

Марину Леонид больше никогда не видел. Вещи при переезде собирал и вывозил ее супруг и его друзья. Пустой квартира простояла от силы месяц, потом туда въехала одинокая пожилая женщина. Немного старше родителей Леонида. Она продержалась довольно долго, пару лет.

Все потому, что тварь любит помоложе, посвежее, поаппетитнее.

Квартира в другом конце огромного коридора, справа от лестницы и лифта, долго пустовала. А потом туда въехал молодой мужчина. Ухоженный, всегда в костюме и золотых часах

на запястье, приезжал на тонированном BMW, частенько отсутствовал по командировкам или еще где-то. Этого Савин знать не мог. Года через полтора покончил с собой – повесился. Консьержки болтали, мол, денег много кому-то задолжал, все потерял, не смог пережить такого разочарования.

Да, тварь была хитрая. Объяснение трагедий всегда было на поверхности. Так, что никто ничего и не заподозрит. Один раз правда чуть не прокололась. С Викой Свиридовой. Позапрошлой весной дело было.

Леонид всю свою жизнь проработал учителем. Старшеклассникам он всегда нравился. С самого первого своего дня в школе, еще в качестве практиканта по русскому и литературе. Ну а что? Высокий, солидный, обаятельный и скромный. Тогда и густая шевелюра при нем была и здоровая белоснежная улыбка. А как Есенина декламировал! Девчонки краснели на уроках, подсовывали записки со своими наивными полудетскими стишками, поджидали его после школы, чтобы просто рядом пойти до дома. Это было приятно. Леонид буквально купался в их внимании, никогда он не чувствовал себя таким нужным. Однокурсницы не относились к нему серьезно. Не было в нем того мужского начала, которое ценят девушки постарше, так, маменькин сынок и хлюпик. Скорее младший братишка, чем полноценный кавалер.

Годы шли, Савин и сам упустил тот момент, когда краснеющие заикающиеся девицы сменились высокомерными и подшучивающими, безнадежно влюбленные – брезгливыми и надменными. В свои пятьдесят восемь, он все еще верил в собственную неотразимость.

Вика Свиридова была из тех девчонок, которых мама сквозь зубы называла «шалавами». К тому моменту, как она перевелась в школу, где он преподавал, мамы не было уже десять лет, однако Леонид мог представить даже взгляд, каким мама окинула бы эту девицу, и каким тоном она бы о ней говорила. Всего пятнадцать, а уже пирсинг в носу, волосы выкрашены в лиловый цвет, глаза черным подведены. А уж эта высокомерная ухмылка и вечная жвачка во рту. Крови много Савину попортила. Сразу выбилась в негласные лидеры класса, да так, что остальные ребята готовы были за ней хоть на край света идти. Савин терял всякий авторитет, как учитель, как человек намного старше, да просто как мужчина, когда она вот так на него смотрела. Нет, не просто смотрела, разглядывала! Как будто это он был малолетним мальчишкой. Начинать краснеть, потеть, заикаться... А Свиридовой это нравилось, ох, как она веселилась! Савин, впрочем, отыгрывался на отметках, частенько занижал средние знания девочки до неудовлетворительных.

Весной Вика как будто наконец отстала от него, не обращала никакого внимания, взялась за учебу как следует, а потом осталась как-то после уроков с просьбами подтянуть ее по литературе, иначе родители убьют.

– Да некогда мне тут с тобой, – отнекивался Савин. – Вон, сколько сочинений еще проверить!

– Так я к вам вечером приду, домой, – и смотрит так томно, в самые зрачки. Улыбается ярко накрашенными красными губами.

– Исключено, – медленно цедит Савин, инстинктивно отодвигаясь вместе со стулом.

Свиридова так близко стоит к его столу, что он даже запах ее мятной жвачки и сигарет чувствует.

– Вы что, боитесь меня? – усмехается и тонкими пальчиками своими пробегается по плечу Леонида. – Да вы не думайте, я приставать не буду...

Смотрит так, будто знает, что у Савина с женщинами никогда дальше поцелуев и не заходило. А сколько у нее самой уже было парней, интересно? Выглядит довольно зрелой и уверенной в себе.

– Хорошо, приходи, – кивает вдруг Леонид.

Наивная девочка и правда думает, что он купился? Что будет ждать ее? А она в это время с подружками смеяться над ним, или с парнями по подъездам обжиматься... Хороша шутница!

Но Свиридова и правда приходит. Следующим же вечером. Без предупреждения.

Савин даже рот приоткрыл от удивления, когда услышал ее голос по домофону:

– Это я, Леонид Викторович!

Быстро переоделся в чистую рубашку, успел старые носки под диван закинуть, да тарелку с недоеденным ужином – в раковину. Пошел дверь открывать, а то заплутает еще в этих коридорах. Не к добру.

Тусклая лампа на потолке моргнула пару раз – лифт приехал. Раздались несмелые шаги, потом щелчок. Так лопается пузырь жевательной резинки. Савин отчетливо представил, как размалеванные помадой губы девочки образуют круг, чтобы его надуть. В коридоре было как обычно темно, сыро, холодно и очень тихо. Так тихо, что Савин мог слышать собственное дыхание и размеренное бормотание старенького телевизора в гостиной.

– Вика? – позвал он, но голос вдруг сорвался на шепот.

Так обычно с ним и бывало. Он боялся шуметь: говорить, кашлять, чихать, греметь пакетом с продуктами или звенеть ключами. Тварь могла услышать. Лампа снова пару раз моргнула, что-то влажно хлюпнуло в самой густой темноте, сразу за поворотом к мусоропроводу. На секунду Леониду показалось, что он оглох, от напряжения начало звенеть в висках, а на лбу выступила холодная испарина. Потом он различил шорох, в темноте что-то сдвинулось, чиркнуло по полу когтями, еще и еще раз, потом он услышал дыхание. Шумное, прерывистое, нетерпеливое, переходящее в тонкий скулеж... Как будто в темноте огромная собака беснуется, почуяв лисицу.

Леонид захлопнул дверь. Но с той стороны ее сразу же чуть не вышибло. Хорошо, что успел цепочку накинуть, иначе бы не выдержал натиска. Вскрикнул тонко, как мальчишка, навалился изо всех сил и запер на все три замка, только потом позволил себе бессильно рухнуть на пол и разрыдаться, прикрывая рот ладонью, чтобы не издать ни единого звука. Это только раззадорит тварь.

Прошло несколько часов прежде чем Савин смог подняться. За дверью была тишина. Выходить в коридор в темное время суток было равнозначно самоубийству, но как же Свиридова? Вдруг ее еще можно спасти? Леонид собрался с мыслями. Нельзя так, нужно что-то делать! Он огляделся вокруг, ночник из гостиной тускло освещал прихожую: в углу рядом с вешалкой притаилась коробка с инструментами. Совсем недавно Леонид повесил новую полку для книг. Он открыл коробку, пробежался взглядом по содержимому, достал молоток, взвесил в руке. Тяжелый, холодный, с гвоздодером на другом конце. Еще отец с завода как-то принес, сейчас таких добротных и не делают. Не бог весть что против твари, но и это сойдет.

Стараясь не лязгнуть, Савин очень медленно повернул замок, приоткрыл дверь на цепочке. Постоял несколько минут, вглядываясь в полумрак, готовый в любую секунду захлопнуть дверь. Тусклая лампа под потолком с трудом могла справиться с темнотой. Узкие как бойницы окна были только на лестнице.

Леонид вышел, осторожно прикрыл за собой дверь. В мягких домашних туфлях он ступал почти неслышно, прижался спиной к холодной стене, чувствуя, как между лопатками скатилась капля пота, поудобнее взялся за рукоятку молотка, приготовившись бить. Ничего. Тишина и спокойствие. Постоял несколько минут, прислушиваясь. Лампа моргнула, загудел лифт. Вот он! Удачный момент! Леонид побежал к лестнице, почти бесшумно преодолевая немалое расстояние с ловкостью человека, забывшего о возрасте, сбежал вниз по ступенькам. Второй этаж, пролет, первый этаж... Выскочил к хорошо освещенному широкому коридору с рядом почтовых ячеек. Выдохнул. Сердце бешено билось в груди, легкие саднило от учащенного дыхания, глаза заливал пот, а правая рука онемела, сжимая молоток. Судорожно огляделся. Ничего. Никаких следов Свиридовой. Не могла же тварь проглотить ее целиком? В пыльном углу Савин заметил что-то розовое, подошел ближе и разглядел комок жевательной резинки. Он взял его в руку, повертел в пальцах и чуть не вскрикнул, когда увидел на другой стороне увязший в ней зуб. Довольно крупный и окровавленный у корня. Громко лягнула тяжелая подъездная дверь. Савин вздрогнул и поднял глаза от своей страшной находки. На пороге стояла консьержка. Женщина лет пятидесяти в цветастом платье, куртке и в слепках на шерстяной носок.

– Здрости, Леонид Викторович, – пробурчала она.

Леонид кивнул, хотел поздороваться, но из горла вырвалось невразумительное бульканье. Потом расправил плечи и спрятал молоток за спиной. Консьержка скрылась в подсобном помещении, отгороженным пластиковой перегородкой с небольшим оконцем и включила телевизор.

Савин попытался выглядеть непринужденно, когда проходил мимо, дескать просто в соседний круглосуточный магазин, молоко неожиданно закончилось. Вышел в весенние сумерки, наконец, вдохнул полной грудью. Воздух был еще прохладным, хотя снег сошел недели две назад, газоны были еще черные и влажные, стояла тишина. Он огляделся, обошел дом вокруг по узкой асфальтированной дорожке. Взгляд его упал на аллею, рядом круглосуточный магазинчик, внутри приветливо горит свет, а дальше за магазинчиком не было уже ничего. Крайний дом по улице Мира, которая заканчивалась пустошью. Конечно, в проекте здесь значился целый квартал, но к его строительству пока так и не приступили. Летом пустошь зарастала репейником, а пока стояла голым темнеющим пятном, кое-где строительный мусор, кирпичи. Леонид обогнул магазин и ступил на мягкую влажную землю.

– Вика! – тихонько позвал он.

Взгляд его зацепился за что-то ярко-розовое в темноте. Как замороженный он пошел дальше. Ноги утонули в грязи, едва ли не по щиколотку.

Это была она – Свиридова в своей ярко-розовой коротенькой курточке. Остекленевшие глаза уставились в небо, рот открыт, челюсть вывернута, щека оторвана почти до кости. Одежда, руки, ноги, все вокруг в крови. Месиво. Словно тварь прожевала девочку, да не проглотила, а выплюнула.

Савин едва совладал с рвотным рефлексом. В висках запульсировал жар, в ушах зазвенело, перед глазами мельтешили черные мушки. Он отвернулся, уперся в колени руками, чтобы не упасть. Сознание возвращалось медленно и тягуче, вместе с каким-то посторонним звуком. Что-то шершавое и колючее отерлось о его штанину сзади, утробно рыча и поскуливая. Леонид на секунду закрыл глаза, втянул ртом воздух, полной грудью, с медным привкусом крови, потом резко распрямился, занес молоток и ударил что есть силы куда-то назад и вбок. Тварь взвизгнула. Этот крик не был похож на крик ни одного из известных Леонидом животных.

Савин побежал. Уже рядом с магазином, он поскользнулся на грязи и упал. Инстинкт заставил его резко развернуться и снова ударить молотком наотмашь, на этот раз другой стороной – гвоздодером. Очень вовремя, потому что тварь как раз хотела прыгнуть ему на грудь, но снова завизжала и отлетела в сторону. На долю секунды Савину показалось, что он успел ее рассмотреть. Сгусток тьмы, его личная «комнатная черная дыра», с желтыми горящими глазами и клыками, словно кроме огромного рта и малюсеньких глазок у твари ничего больше не было. Савин поднялся и резко обернулся. Тварь поскуливала в грязи, между огромных пакетов мусора с разбитым кафелем.

– А ну! – крикнул он, сам поражаясь своему тону, наработанному за долгие годы преподавания. – Нельзя!

Тварь затихла, прислушиваясь.

– Нельзя, я сказал! – угрожающе повторил учитель.

Он отступил назад, держа молоток наготове. Ногой нащупал твердый асфальт. Еще один шаг. Медленно и осторожно. Тварь все также поскуливала в грязи.

– Вот умничка, – прошептал Савин, отступая все дальше. – Хорошая девочка... Вот так!

Не помня себя, он дошел до крыльца дома, все также пятясь и приговаривая. Глянул в небольшое окошечко, консьержка смотрела телевизор, отвернувшись от двери. Он быстро прошмыгнул в подъезд, поднялся по лестнице в свою квартиру, не оборачиваясь, а потом долго стоял в душе, пытаясь отмыться от пота и грязи. Он был как в трансе, вновь и вновь прокручивая события в голове и повторяя:

– Нельзя! Нельзя! Нельзя, я сказал! – пока не охрип.

О пропаже Свиридовой в школе заговорили в понедельник. Ее одноклассники, да и многие учителя, сперва посмеивались, уж слишком своенравная была девочка, и частенько угрожала родителям уйти из дома. Шутки прекратились к пятнице, когда в школу пришли следователи. Допрашивали и учеников, и учителей. Савин не делал вид, будто ему все равно, но и не слишком активно выказывал свое участие, держался золотой середины. Конечно, говорил, что переживает, делал вид, что разбавляет корвалол в стакане с водой. Однако серые глаза его оставались холодными и безучастными.

Тело Вики нашли только через несколько недель. Снова выпал снег, потом зарядили дожди, а когда все просохло, на пустошь вышли играть мальчишки с окраины. Они и нашли тело. Экспертиза установила, что девочку загрызли бездомные собаки. Ох и шумиха тогда началась! Только к Савину несколько раз приходили жильцы со всего района, чтобы собрать подписи за отстрел животных.

– Вот тут подпишите, у нас петиция!

– Да, к мэру города, – кивали две женщины средних лет на пороге Савина.

В самом дальнем и темном конце коридора, у мусоропровода что-то нетерпеливо заскулило.

– Нельзя! – зычно вскрикнул учитель.

Женщины подпрыгнули от неожиданности.

– Щенка подкинули, твари, – тихо добавил, подписывая бумагу.

Лунатик

Проснуться от смачной пощечины – сомнительное удовольствие.

– Ты что, больной?! Идиот! – кричала девушка мне в лицо, кажется уже не в первый раз, но я ведь спал.

Так, стоп, я спал стоя?

– Ты до смерти меня напугал! – нет, она не кричала, она буквально визжала.

Я потер лоб. Голова кружилась, в горле пересохло, во рту словно кошачье семейство поселилось. Не помню даже, когда я в последний раз так напивался. Как минимум лет десять назад. А вчера... Господи, я почти ничего не помню.

– Так ты лунатик? – она облегченно выдохнула. – Боже мой! Антон! Ну и козел же ты!

Последнее – со смехом, не для того, чтобы обидеть, просто вся ситуация ее действительно забавляла.

Она встала на колени, принялась собирать разбросанные по полу вещи. Привлекательная блондинка, невысокая, стройная, в черном кружевном белье, золотые часики на левом запястье, на безымянном пальце правой руки – обручальное кольцо с крупным бриллиантом.

– Прости, я не помню...

– Алена! Меня зовут Алена! – крикнула девушка, выживая из-под кровати свои джинсы.

Я стоял у входа в просторную спальню с огромной кроватью: высокие потолки и широкое окно, едва ли не во всю стену, занавешенное молочной тюлью, от чего казалось, будто на улице непроглядный туман, хотя может так оно и было. Осень стояла на редкость дождливая – еще чуть-чуть и жабры вырастут. На стене напротив кровати висел плазменный телевизор, справа – зеркальный шкаф-купе и комод.

– Ты такой придурок, – продолжала Алена, одеваясь. – Но квартира у тебя классная.

– Это не моя квартира.

– Что? – девушка широко распахнула глаза. – Но... У тебя же был ключ... И... Так, ты меня разыгрываешь, да? Вот идиот!

Она залилась приятным, но немного наигранным смехом.

– Думаешь, я к тебе что-то испытываю после одной ночи в стельку? Кстати, было не очень! И я замужем!

– Нет, я думал, это твоя квартира.

– Черт! – она обессилено плюхнулась на кровать со смятыми простынями. – Тогда, где мы?

Я поднял с пола свои джинсы, оделся и медленно опустил руку в карман. Кажется, я заранее знал, что найду его там, еще до того, как ледяной металл обжог пальцы.

– Ах, ты ж, сука! – я откинул в сторону тяжелый, почерневший от времени, ключ, словно тот оказался гигантским ядовитым пауком.

Потом бросился к окну, осторожно отодвинул штору, будто по ту сторону мог оказаться меткий снайпер. Та самая школа, выкрашенная желтой краской, двор и гаражи, где обычно курят старшеклассники. Было действительно туманно и невозможно определить, который час.

На ватных ногах я вернулся к кровати, сел рядом с Аленой.

– Что с тобой? Ты в порядке? – она приложила пальцы к моему лбу. – Такое раньше случалось? Ты ходил во сне когда-нибудь? Наверное, у тебя стресс, или что-то вроде... Да и к тому же ты напился!

Я пожал плечами, да, все возможно. Но как этот чертов ключ оказался в моем кармане? И почему я привел ее именно сюда?

– Чья это квартира? Какого-нибудь друга? Я не сержусь, мне не важно, есть у тебя квартира или ты вообще на вокзале живешь. Ты просто был милым вчера и угощал меня... Нет, ты не думай, что я какая-то потаскуха, готовая за пару коктейлей с первым встречным. Мне просто было грустно и одиноко.

Она была хорошенькой, даже несмотря на растрепанные локоны и размазанную тушь, так было даже лучше, было в ней что-то «шлюховатое», а мне никогда не нравились пай-девочки.

– Это квартира моей бабушки, – ответил я, немного помолчав, собираясь с силами.

– Здесь что-то совсем не старушечий интерьер, – хитро прищурилась Алена, неопределенно махнув рукой.

– Конечно, – кивнул я. – Я же продал ее лет десять назад. Я не знаю, кто живет здесь теперь.

– Что? – Алена снова залилась смехом. – Мы трахались непонятно у кого в постели? Господи, а если они сейчас вернутся?! Какой же ты ненормальный!

Она вскочила и начала быстро собирать по полу всякие мелочи, которые рассыпались из ее сумочки вчера ночью. Потом ловко застегнула свою блузку на три единственные уцелевшие пуговицы, надела туфли.

– Давай без обид, номер телефона не оставлю! Ну, все, рекомендую тебе взять отпуск, псих! – она снова усмехнулась на прощание, громко цокая каблуками по паркету коридора.

Я подтянул по полу свое пальто и достал из кармана пачку сигарет, медленно закурил, потирая виски. Ничего у нее не выйдет! Она пока не поняла.

– Эй, слушай! – закричала она из коридора. – Помоги мне! Не могу справиться с замками!

Она пока не поняла, что это ловушка.

Мысль мелькнула быстро и также быстро исчезла. Какая еще ловушка? Как только мне могло прийти такое в голову?

Я прошлепал босыми ногами по длинному коридору к железной двери. Что за бред? Если мы как-то сюда вошли, значит замки так и не меняли все это время. Просто ручку нужно немного приподнять, вот и весь секрет. Странно, дверь явно была новая, с домофоном и специальным глазком с обзором в сто восемьдесят градусов. Тогда, каким же образом к ней мог подойти старый ключ? Да и как, мать его дери, он попал ко мне в карман, я сам не видел его очень давно, думал, что выкинул или потерял.

Я попробовал все три замка, каждый отдельно, все вместе, в разных комбинациях, толкал, тянул на себя, прислушивался к сухим шелчкам стальных механизмов, смутно осознавая, что все бесполезно. Почему? Ответ был очевиден – мы в ловушке. Еще со вчерашнего вечера... А может быть и раньше. Намного раньше. Эта мысль ужалила меня осой, почти до боли остро.

– Да что за хрень?! – вскрикнула Алена, выплескивая на дверь весь свой гнев: яростно дергая за ручку, барабанила по ней кулачками. Потом она вспомнила про айфон в своей сумочке, быстро отыскала чей-то номер.

– Тань! Тань, привет! Да, я, слушай я тут... Алло? Таня?! Черт, сорвалось!

Она нажимала кнопку вызова снова и снова, но сигнал не проходил. Мой сотовый разрядился еще вчера, да и от него не было бы никакого толка.

– Что теперь делать? – прошептала она. – Если мой муж... Если он узнает...

Она нервно мерила шагами коридор, хватаясь за голову и кусая губы, потом побежала обратно в спальню и открыла настежь окно, впуская в комнату клубы тумана.

– Четвертый, – ответил я, когда она обернулась ко мне с замершим вопросом на губах.

– Эй! Кто-нибудь! – крикнула она, но лишь спугнула с ветвей тополя у подъезда несколько ворон. – Помогите!!!

Я потер виски. От ее криков еще сильнее разболелась голова.

– Я пойду, поищу кофе, – пробормотал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.